

EDN JUAYTR

Женщины-парламентарии в российских регионах: оценка достижения показателя Целей в области устойчивого развития

Кулеш С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; sem.kulesh@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу динамики женского представительства в региональных парламентах Сибири и Дальнего Востока за период 2014–2024 гг. в контексте достижения показателя ЦУР 5.5.1 (а), направленного на обеспечение гендерного равенства в национальных парламентах. На основе анализа данных 24 регионов выявлена значительная региональная вариативность: лишь в трех регионах доля женщин-депутатов превышает рекомендованные ООН 30%. Основными барьерами на пути реализации депутатской карьеры у женщин остаются социокультурные стереотипы, двойная нагрузка на женщин и неравный доступ к партийным ресурсам.

Методология исследования включает в себя количественный анализ состава парламентов и биографический анализ 179 женщин-депутатов.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе динамики женского представительства с акцентом на региональную специфику Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются данные о влиянии образовательного сектора и общественных организаций как механизмов рекрутирования, переосмысливается роль гендерных квот, предлагая альтернативные подходы к повышению гендерного баланса.

Теоретическая значимость исследования состоит в интеграции глобальных целей устойчивого развития в контекст российской региональной политики, и также вносит вклад в дискуссию о доминировании институциональных и социокультурных факторов, ограничивающих участие женщин в политике.

Практическая значимость определяется разработкой рекомендаций для повышения женского представительства, включая внедрение программ наставничества и поддержки женщин, что может быть использовано при разработке региональных и федеральных программ.

Ключевые слова: гендерное равенство, цели устойчивого развития (ЦУР), женское представительство, региональные парламенты, Сибирь, Дальний Восток, политическая активность, социокультурные барьеры.

Для цитирования: Кулеш С. А. Женщины-парламентарии в российских регионах: оценка достижения показателя Целей устойчивого развития // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 24–40. EDN JUAYTR

Women Parliamentarians in Russian Regions: Assessment of Achievement of the Sustainable Development Goals Indicator

Semyon A. Kulesh

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; sem.kulesh@mail.ru

ABSTRACT

This article examines the dynamics of female representation in regional parliaments of Siberia and the Russian Far East from 2014 to 2024, focusing on SDG 5.5.1 (a) indicator, aimed at promoting gender equality in legislative bodies. Analyzing data from 24 regions, the study reveals significant disparities: only three regions exceed the UN-recommended 30% threshold for wom-

en's parliamentary representation. Key barriers include socio-cultural stereotypes, the dual burden of domestic and professional responsibilities, and unequal access to party resources.

The methodology combines quantitative analysis of parliamentary composition and biographical profiling of 179 female deputies, highlighting the pivotal role of the education sector and civil society organizations in mobilizing women into politics.

Novelty lies in the comprehensive decade-long analysis of regional trends, emphasizing the unique socio-demographic and institutional contexts of Siberia and the Far East. The study introduces new insights into the role of educational institutions and NGOs as pathways for women's political recruitment, while re-evaluating the effectiveness of gender quotas and advocating for alternative strategies.

Theoretical contribution is the integration of global SDG frameworks into the study of Russian regional politics, enriching debates on institutional and cultural factors hindering gender parity. It challenges conventional narratives by emphasizing the interplay between structural barriers and individual agency.

Practical implications include policy recommendations such as mentorship programs, institutional support for work-family balance. The findings can inform regional and federal initiatives to enhance women's political participation, ensuring not only quantitative representation but also substantive influence in decision-making.

Keywords: gender equality, Sustainable Development Goals, women's representation, Russian regional parliaments, women's political participation.

For citation: Kulesh S. A. Women parliamentarians in Russian regions: assessment of achievement of the Sustainable Development Goals indicator // Administrative consulting. 2025. N 4. P. 24–40. EDN JUAYTR

Введение

Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые в 2015 г. на саммите Организации Объединенных Наций, представляют собой амбициозный план действий для достижения более справедливого и устойчивого мира к 2030 г. Среди 17 Целей, ЦУР 5, посвященная гендерному равенству, занимает центральное место, поскольку данный аспект является не только правом человека, но и необходимым условием для устойчивого развития во всех его аспектах. В глобальном контексте достижение гендерного равенства способствует экономическому росту, социальной справедливости и улучшению качества жизни, что подчеркивает его значимость для всех стран.

Среди индикаторов ЦУР 5 существует показатель доли мест, занимаемых женщинами в национальном парламенте. Согласно отчету Росстата за 2024 г., в России такой показатель составляет 17,9% от общего количества депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ¹. Ситуация с представительством женщин в обеих палатах Федерального Собрания растет, хоть и не имеет большого прироста — по данным 2015 г., доля женщин в законодательном органе страны составляла 14,4% в Государственной Думе², в Совете Федерации — 19,6%³. Данный показатель, по сравнению с другими странами Европы, является низким, и Россия отстает от них. Среди лидеров списка можно выделить Исландию (47,6%), страны Скандинавии (Швеция и Финляндия — 46%, Норвегия — 44,4%), а также Белоруссию (40%)⁴.

¹ Цели устойчивого развития в Российской Федерации 2024: краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2024. С. 36.

² Статистическое приложение к ежегоднику, 2024 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/RUS_SDG_in_Russia_2024.xlsx (дата обращения: 18.03.2025).

³ Останина рассказала о численности женщин в российском парламенте [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2024. 6 марта. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ostanina-rasskazala-o-chislennosti-zhenshhin-v-rossiyskom-parlamente.html> (дата обращения: 18.03.2025).

⁴ Показатель 5.5.1 (а) «Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах» [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unecsc.org/SDG/ru/Indicator?id=142> (дата обращения: 18.03.2025).

В мировой статистике Россия занимает 153-е место в мире по данному показателю. Агентство РИА «Новости» отмечает, что средняя доля женщин в законодательных органах стран мира составляет 26%, и лишь только в шести странах женщины занимают половину или больше депутатских кресел. Это Руанда (57,6%), Куба (55,6%), Никарагуа (53,8%), Мексика (50,5%), Андорра (50%) и Исландия (47,6%)⁵. Справедливости ради стоит отметить, что данные показатели странами были достигнуты благодаря гендерным квотам в парламенте или партийных списках, что, на наш взгляд, не совсем целостно отображает реальную картину женского представительства в политике и вместе с этим является слабой стороной показателей ЦУР 5. Сейчас, в условиях «консервативного разворота» в США и постепенного отхода от политики гендерного равенства в других странах, реальная ситуация с гендерным равенством будет вызывать большой интерес среди исследователей.

Обычно считается, что результатом низкого уровня представительства женщин в Федеральном Собрании является сочетание нескольких факторов. Это и отмена женских квот, которые были в советские времена, и социально-экономическое неравенство, а также культурные установки и слабость женских движений⁶.

Россия, ввиду своих размеров, характеризуется разнообразием политических традиций и культуры, в том числе разным отношением к женскому представительству в органах власти в регионах. В связи с этим представляется целесообразным адаптировать показатель ЦУР 5.5.1 (а), который изначально предназначен для оценки доли женщин в национальных парламентах, для рассмотрения динамики женского представительства в регионах. В данном случае мы предлагаем сфокусироваться на региональных парламентах Сибирского и Дальневосточного регионов, так как это может помочь выявить особенности и различия в представленности женщин в региональных парламентах, послужив материалом для сравнения с другими регионами России, выявления тенденций и закономерностей в вопросах женского представительства.

Проблема представленности женщин в политике широко исследуется в рамках глобальных, национальных и региональных контекстов. М. Фрейл и Д. Маринова отмечают, что основной причиной низкого женского представительства является сохраняющийся разрыв во внутренней политической эффективности: женщины с меньшей вероятностью чувствуют, что обладают компетенцией и навыками, необходимыми для полноценного участия в политической сфере. Их исследование на примере Испании показывает, что существует несоответствие между социально приписываемыми женщинам характеристиками и чертами, связанными с политикой (конкуренция, власть, напористость), и тем, как они их воспринимают. Женщины ограниченно признают в себе данные черты и полагают, что не обладают качествами для участия в политике [11, с. 2300].

Г. Алмонд и С. Верба при изучении вопроса женского присутствия в политике отмечали, что женщины по своему политическому поведению отличаются от мужчин в основном повышенной апатией, консерватизмом и чувствительностью к личностным и эмоциональным аспектам [1, с. 147]. Это свидетельствует о том, что женщины не обязательно вносят изменения в политическую систему, а скорее проявляют более эмоционально-чувственную ориентацию. Авторы акцентируют, что важнее роль женщин как компонента гражданской культуры и семейных институтов, а не только их участие в политике на высоком уровне [1, с. 315].

⁵ Россия занимает 153-е место в мире по числу женщин в парламенте [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2024. 8 марта. URL: <https://ria.ru/20240308/zhenschiny-1931875162.html> (дата обращения: 18.03.2025).

⁶ Управленческий патриархат: сколько женщин находится у власти в России [Электронный ресурс] // Черта. 2021. 16 марта. URL: <https://cherta.media/story/upravlencheskij-patriarhat-skolko-zhenshhin-naxoditsya-u-vlasti-v-rossii/> (дата обращения: 18.03.2025).

Р. С. Мухаметов отмечает, что традиционные взгляды на гендерные роли, такие как рождаемость и количество детей в семье, лишь косвенно влияют на представительство женщин в парламентах, так же как и уровень образования и размер заработной платы. Большую роль играют институциональные факторы, такие как процедуры отбора кандидатов политическими партиями и объединениями [7, с. 141].

Н. Н. Козлова и Ю. А. Монахова при изучении политических биографий женщин-депутатов российских региональных парламентов приходят к выводу, что гендер остается устойчивым механизмом в российской политике, однако увеличение женского представительства в парламентах не приводит к усилению их влияния на законотворчество. Женщины-депутаты избегают связей с женским движением, стараясь сфокусироваться на молодежной повестке и на решении социальных вопросов [4, с. 138].

А. В. Михайлова, Л. Н. Попова, М. А. Максимова в рассмотрении гендерных аспектов политической активности в российских регионах подчеркивают повышение доли женщин в органах власти. Но, несмотря на положительное отношение населения к участию женщин в политической деятельности, женщины редко занимают ведущие роли в политике из-за сохраняющихся стереотипов политики как мужской профессии [6, с. 70].

В исследованиях недостаточно подробно освещены факторы, ограничивающие доступ женщин к активному участию в политической деятельности, а также роли общественных организаций в улучшении данной проблемы. Чаще всего проблема рассматривается только в контексте гендерных квот как инструмента преодоления структурных барьеров и повышения доли женщин в политике, однако подобный подход может обеспечить лишь количественный рост. Необходимо добиваться не только увеличения числа женщин в политике, но и повышения качества их участия для их влияния на процесс принятия политических решений.

Существующие исследования женского представительства в российской политике вносят значительный вклад в изучение данной темы, однако они ограничиваются анализом на один момент времени, что не дает возможности проследить динамику изменений, фокусирующей на структурных и на социокультурных барьерах, не уделяя достаточного внимания их взаимодействию в конкретных региональных условиях, что ограничивает полноту понимания факторов, влияющих на уровень женского участия в политике. Настоящее исследование направлено на преодоление данных ограничений, применяя комбинированную методологию. Количественный анализ динамики представленности женщин в 24 региональных парламентах Сибири и Дальнего Востока позволяет выявить общие тенденции и региональные различия. Биографический анализ 179 женщин-депутатов позволяет нам рассмотреть профессиональные и социальные пути, посредством которых женщины в регионах преодолевают барьеры и приходят в политику. Такой подход позволит оценить относительную важность и взаимодействие институциональных, социокультурных и индивидуальных факторов.

Целью исследования является оценка динамики женского представительства в региональных парламентах Сибири и Дальнего Востока за период 2014–2024 гг. в контексте достижения показателя ЦУР 5.5.1 (а) для выявления ключевых социокультурных, институциональных и демографических факторов, ограничивающих женское представительство, а также разработка рекомендаций для повышения роли женщин с учетом региональной специфики. Помимо применения показателя ЦУР 5, представляется возможным рассмотреть социально-психологический портрет женщины-депутата регионального парламента за Уралом.

Новизна исследования: исследование осуществляет комплексный анализ динамики женского представительства в региональных парламентах Сибири и Дальнего

Востока в контексте достижения показателя ЦУР 5.5.1 (а) за десятилетний период, используя сочетание методов количественного и биографического анализа для выявления структурных и индивидуальных факторов гендерного дисбаланса. В исследовании сделан акцент на рассмотрении региональной специфики в контексте Сибири и Дальнего Востока, где сочетание демографических, социально-экономических и культурных особенностей формирует ряд барьеров для женского участия в политике. Вводятся новые данные о роли образовательного сектора и общественных организаций как механизмов рекрутирования женщин в политику.

Исследование расширяет теоретические рамки изучения женского представительства в парламентах, внедряя цели устойчивого развития, находящиеся на глобальном уровне, в контекст российской региональной специфики. В рамках работы предпринята попытка проанализировать доминирующие роли институциональных и социокультурных факторов как причин низкого уровня женского участия в политике. Кроме того, предложена переоценка роли гендерных квот, используя иные механизмы повышения женского представительства. Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ, нацеленных на достижение ЦУР 5.5.1 (а) и повышение женского представительства в федеральной и региональной политике России.

Для изучения динамики женского представительства в исследовании будут рассмотрены списки депутатов законодательных органов власти двадцати четырех регионов Сибири и Дальнего Востока в период с 2014 по 2024 г. В рамках комплексного подхода предполагается изучение биографических данных депутатов текущих созывов посредством составления биографических карточек, в которых будут рассматриваться четыре параметра: возраст, образование, семья, профессиональная деятельность. В качестве источника данных послужат официальные сайты законодательных органов власти двадцати четырех регионов Сибири и Дальнего Востока.

Методология и материалы

На территории Сибири и Дальнего Востока действуют 24 региональных органа власти, общее количество депутатов составляет 1079 человек. Временная выборка с 2014 по 2024 г. не является случайной, так как в этот период в каждом из рассматриваемых регионов действовали три созыва законодательных органов власти (табл. 1).

Таблица 1

Список созывов органов власти регионов Сибири и Дальнего Востока, действовавших в период с 2014 по 2024 г.

Table 1. List of legislative bodies of the subjects of Russian Siberia and the Far East that were in operation from 2014 to 2024

№ п/п	Регион, наименование органа	Созывы и срок их полномочий
1	Республика Алтай, Государственное собрание	6-й (2014–2019), 7-й (2019–2024), 8-й (с 2024)
2	Бурятия, Народный Хурал	5-й (2013–2018), 6-й (2018–2023), 7-й (с 2023)
3	Саха (Якутия), Государственный Совет	5-й (2013–2018), 6-й (2018–2023), 7-й (с 2023)
4	Тыва, Верховный Хурал	2-й (2010–2014), 3-й (2019–2024), 4-й (с 2024)

№ п/п	Регион, наименование органа	Созывы и срок их полномочий
5	Хакасия, Верховный совет	6-й (2013–2018), 7-й (2018–2023), 8-й (с 2023)
6	Алтайский край, Законодательное собрание	6-й (2011–2016), 7-й (2016–2021), 8-й (с 2021)
7	Забайкальский край, Законодательное собрание	2-й (2013–2018), 3-й (2018–2023), 4-й (с 2023)
8	Камчатский край, Законодательное собрание	2-й (2011–2016), 3-й (2016–2021), 4-й (с 2021)
9	Красноярский край, Законодательное собрание	2-й (2011–2016), 3-й (2016–2021), 4-й (с 2021)
10	Приморский край, Законодательное собрание	5-й (2011–2016), 6-й (2016–2021), 7-й (с 2021)
11	Хабаровский край, Законодательное собрание	6-й (2014–2019), 7-й (2019–2024), 8-й (с 2024)
12	Амурская область, Законодательное собрание	6-й (2011–2016), 7-й (2016–2021), 8-й (с 2021)
13	Иркутская область, Законодательное собрание	2-й (2013–2018), 3-й (2018–2023), 4-й (с 2023)
14	Кемеровская область, Парламент (до 2019 — Совет народных депутатов)	4-й (2013–2018), 5-й (2018–2023), 6-й (с 2023)
15	Магаданская область, Областная дума	4-й (2010–2015), 5-й (2015–2020), 6-й (с 2020)
16	Новосибирская область, Законодательное собрание	5-й (2010–2015), 6-й (2015–2020), 7-й (с 2020)
17	Омская область, Законодательное собрание	5-й (2011–2016), 6-й (2016–2021), 7-й (с 2021)
18	Сахалинская область, Областная дума	6-й (2012–2017) 7-й (2017–2022), 8-й (с 2022)
19	Томская область, Законодательная дума	4-й (2011–2016), 5-й (2016–2021), 6-й (с 2021)
20	Тюменская область, Областная дума	5-й (2011–2016), 6-й (2016–2021), 7-й (с 2021)
21	Ханты-Мансийский АО, Дума	5-й (2011–2016), 6-й (2016–2021), 7-й (с 2021)
22	Чукотский АО, Дума	4-й (2011–2016), 5-й (2016–2021), 6-й (с 2021)
23	Ямало-Ненецкий АО, Дума	5-й (2010–2015), 6-й (2015–2020), 7-й (с 2020)
24	Еврейская АО, Законодательное собрание	5-й (2011–2016), 6-й (2016–2021), 7-й (с 2021)

Источник: составлено автором.

Показатель ЦУР 5.5.1 (а) «Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах», нацелен на измерение процентной доли кресел национальных парламентах, занимаемых женщинами в одной или нижней палате. Он измеряется по следующей формуле:

$$\left(\frac{R}{N}\right) \times 100\%,$$

где R — количество женщин в парламенте, а N — общее количество членов парламента⁷. ООН рекомендует, чтобы показатель доли женщин в национальных парламентах составлял не ниже 30% [8, с. 6].

В ходе исследования будет рассчитано количество женщин-депутатов по состоянию на 1 декабря 2014 г., 1 декабря 2019 г. и 1 декабря 2024 г. Данные показатели будут отмечены как «SDG5.5.1(a)-2014», «SDG5.5.1(a)-2019» и «SDG5.5.1(a)-2024» соответственно. Сравнение даст возможность рассмотреть динамику изменений в гендерном балансе среди депутатов как в отдельности, так и в общем количестве сибирских и дальневосточных депутатов.

Результаты

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные. В Кемеровской области, Чукотском АО и Еврейской автономной области доля женщин в парламенте удерживается на уровне 30% на протяжении двух созывов. В данных регионах женщины могут быть более активны в политике и общественной жизни, что поспособствовало их избранию в парламент.

Высокий уровень женского представительства на Чукотке и в Еврейской автономной области можно объяснить демографическими особенностями данных регионов. Численность населения в них относительно невелика, что может облегчить доступ женщин к политике, так как в небольших сообществах женщины могут иметь больше возможностей для участия в политике.

В Кемеровской области столь высокие показатели можно объяснить историческим контекстом, поскольку промышленное развитие региона и активная социальная политика в советский период могли способствовать формированию более равноправного общества, где женщины имеют больше возможностей для участия в политике и общественной жизни. Более того, несколько женщин в Парламенте Кузбасса являются представителями крупных игроков бизнеса в регионе — группы СУЭК и ЕВРАЗ.

Более подробно информацию можно рассмотреть в табл. 2 и в Приложениях.

Анализ биографий женщин-депутатов в указанных трех регионах свидетельствует о том, что значительная часть из них занимает руководящие должности в образовательных учреждениях различного уровня, расположенных в их избирательных округах. Такие женщины более известны жителям, и во время выборов избиратели больше могут отдавать свои предпочтения независимо от гендерных факторов. Вместе с этим, может играть роль фактор административного ресурса, когда родителей и студентов в школах, техникумах и университетах работники будут активно агитировать за своего руководителя, предлагая им за это улучшение условий обучения⁸. Например, в Парламенте Кузбасса пять из четырнадцати действующих

⁷ Показатель 5.5.1 (а) «Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах» [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unesc.org/SDG/ru/Indicator?id=142> (дата обращения: 18.03.2025).

⁸ В Томске дети агитируют за директора своей школы [Электронный ресурс] // Daily Moscow. 2015. 11 сентября. URL: <https://dailymoscow.ru/novosibirsk/35679-v-tomske-deti-agitiruyut-za-direktora-svoei-skoly> (дата обращения: 18.03.2025).

Таблица 2

**Показатель ЦУР 5.5.1 (а) в расчете региональных парламентов Сибири
и Дальнего Востока**

Table 2. Indicator SDG 5.5.1 (a) in the calculation of regional parliaments
of Siberia and the Far East

№ п/п	Регион	SDG5.5.1(a)-2014	SDG5.5.1(a)-2019	SDG5.5.1(a)-2024
		%		
1	Республика Алтай	9,76	19,51	21,95
2	Бурятия	12,12	13,64	15,15
3	Саха (Якутия)	18,57	18,57	11,43
4	Тыва	21,88	18,75	15,63
5	Хакасия	10	14	24
6	Алтайский край	13,24	14,71	22,06
7	Забайкальский край	10	20	20
8	Камчатский край	14,29	25	25
9	Красноярский край	9,62	17,31	17,31
10	Приморский край	15	15	15
11	Хабаровский край	25	19,44	8,33
12	Амурская область	11,11	25	18,52
13	Иркутская область	13,33	11,11	13,33
14	Кемеровская область	16,67	45,65	30,43
15	Магаданская область	0	4,76	9,52
16	Новосибирская область	2,63	10,53	13,16
17	Омская область	6,82	4,55	11,36
18	Сахалинская область	21,43	17,86	14,29
19	Томская область	11,9	9,52	14,29
20	Тюменская область	10,42	10,42	18,75
21	Ханты-Мансийский АО	17,14	7,89	18,42
22	Чукотский АО	50	53,33	33,33
23	Ямало-Ненецкий АО	13,64	18,18	22,73
24	Еврейская АО	26,32	42,11	36,84

Источник: составлено автором.

женщин-депутатов находятся в руководстве школ, техникумов и университетов⁹. В Законодательном собрании Чукотки из пяти женщин-депутатов — одна, а в Законодательном собрании Еврейской АО из семи женщин-депутатов руководителями образовательных учреждений являются три¹⁰.

⁹ Депутаты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Парламента Кузбасса. URL: <https://www.zskuzbass.ru/deputaty-parlamenta/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁰ Депутаты Законодательного Собрания VII созыва [Электронный ресурс] // Законодательное собрание Еврейской автономной области. URL: <http://zseao.ru/deputaty-zakonodatelnogo-sobraniya-vii-sozyva/> (дата обращения: 18.03.2025).

Кроме образовательной сферы женщины активны в общественных и партийных организациях, где также могут накопить политический капитал, необходимый для участия в региональной политике. В Кузбассе три женщины являются представителями фонда «Защитники Отечества», общества инвалидов и «Движения первых». На Чукотке только одна женщина возглавляет социальный фонд.

Помимо этого, в ряде регионов женщины входят в руководство законодательного органа или его комитетов. Например, О. В. Козловская возглавляет Законодательную думу Томской области, а Е. Н. Касьянова — областную Думу Сахалинской области.

В Думе Чукотского округа две женщины возглавляют комиссии на постоянной основе, Ю. С. Бутакова возглавляет фракцию ЛДПР, а М. Ю. Лагунова является первым заместителем председателя. В Кузбассе Д. Я. Репина также является заместителем председателя¹¹.

Согласно статистическим данным и другим исследованиям, посвященным проблематике представительства женщин в органах государственной власти, ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке в целом соответствует общероссийским тенденциям, характеризующимся наличием выраженного гендерного дисбаланса в общественно-политической сфере, при котором женщины остаются в меньшинстве [4, с. 139]. Однако стоит отметить, что общий показатель на протяжении десяти лет хоть и незначительно, но показал рост (рис. 1).

Тревожная динамика существует на Дальнем Востоке, где доля женщин по региону достигла своего пика в 2019 г., но затем снизилась. Резкое снижение, наблюдаемое в Амурской области (с 25% до 18,52%), служит яркой иллюстрацией этой негативной тенденции. Это снижение может быть косвенно связано с общими проблемами региона: низкой плотностью населения и продолжающимся оттоком населения в другие регионы. По данным Росстата, в 2023 г. численность населения Дальнего Востока сократилась на 30,8 тыс. человек¹², что в условиях гендерного

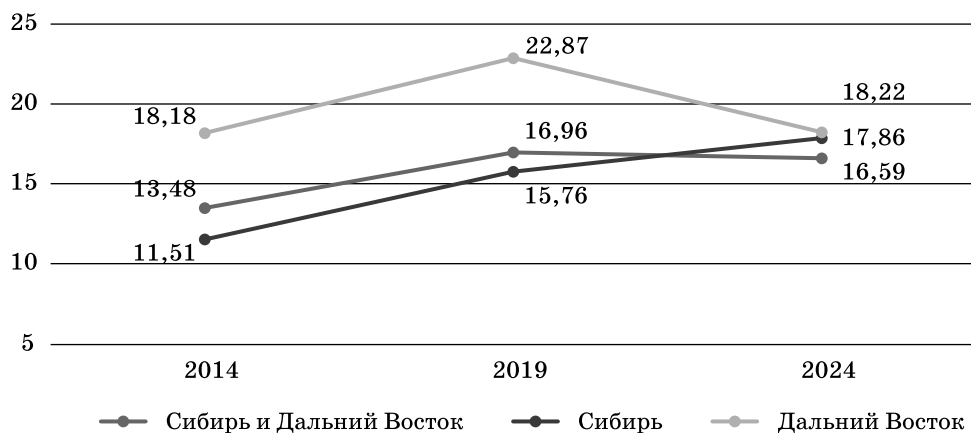

Рис. 1. Общие показатели SDG 5.5.1 (а)

Fig. 1. General indicators of SDG 5.5.1 (a)

Источник: составлено автором.

¹¹ Депутаты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Парламента Кузбасса. URL: <https://www.zskuzbass.ru/deputaty-parlamenta/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹² Журман О. Почему приоритеты развития ДФО не решили проблемы оттока жителей из макрорегиона [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024. 25 апреля. URL: <https://rg.ru/2024/04/25/reg-dfo/naroda-nedonaselenie.html> (дата обращения: 18.03.2025).

дисбаланса и сокращающейся численности населения, оттока, особенно молодежи и активных граждан, может негативно сказываться на электоральных возможностях женщин, что наиболее заметно в относительно крупных субъектах ДФО.

На момент исследования действующих женщин-депутатов региональных парламентов Сибири и Дальнего Востока всего 179 человек, из них 29 — это женщины возрастом от 21 до 45 лет, 122 — от 45 до 65 лет, 28 — от 65 лет (рис. 2). Женщины в возрасте от 45 лет в основном имеют педагогическое или медицинское образование, имеют опыт работы в муниципальных и партийных структурах, заняты работой в бюджетном секторе или бизнесе. Женщины более младшего возраста имеют экономическое или юридическое образование и заняты в бизнесе (рис. 3).

В регионах Сибири и Дальнего Востока наблюдается преобладание женщин-депутатов в возрастной группе старше 45 лет, что в целом соответствует обще-

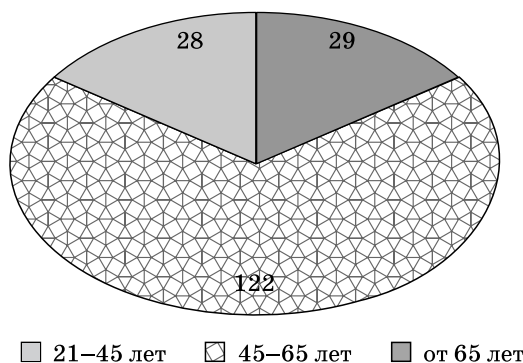

Рис. 2. Возраст женщин — депутатов региональных парламентов Сибири и Дальнего Востока (чел.)

Fig. 2. Age of women — deputies of regional parliaments of Siberia and the Far East (persons)

Источник: составлено автором.

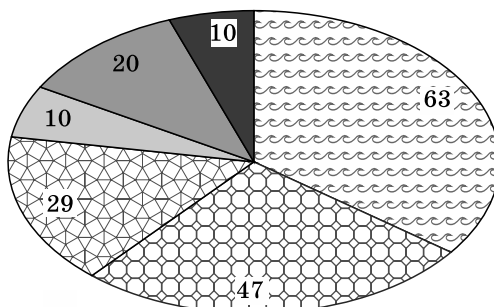

Рис. 3. Профессиональная занятость женщин — депутатов региональных парламентов Сибири и Дальнего Востока (чел.)

Fig. 3. Professional employment of women — deputies of regional parliaments of Siberia and the Far East (persons)

Источник: составлено автором.

российским тенденциям. Можно предположить, что низкий уровень представительности молодых женщин обусловлен воздействием социокультурных факторов, влияющих на их участие в политике. В России продолжают сохраняться традиционные установки, которые ограничивают доступ молодых женщин в политику, так как данные установки формируют негативные стереотипы о женщинах, что затрудняет их продвижение в политике, поскольку женщин-политиков чаще обсуждают в контексте внешности и личной жизни, а не профессиональных качеств.

Обсуждение

Основной проблемой низкого представительства является двойная нагрузка, возлагающаяся на женщин ввиду необходимости работы, воспитания детей и ведения домашнего хозяйства (так называемый «резиновый пол»). У женщин порой нет дополнительных ресурсов для занятия общественной и политической деятельностью. Возможно, это является причиной, по которой женский депутатский корпус состоит из женщин среднего и старшего возраста. Они уже вырастили своих детей, поэтому у них появились ресурсы и возможности для участия в политике. Из 179 женщин-депутатов Сибири и Дальнего Востока только 11 женщин не имеют детей, и большая часть их приходится на возраст до 45 лет.

Развитие и содержание инфраструктуры, облегчающей совмещение семейных обязанностей с работой и общественной жизнью на должном уровне, могло бы поспособствовать привлечению женщин к активному участию в политике. Высвободившись от части домашних обязанностей, женщины могут участвовать в местном самоуправлении, что может стать первым шагом на их пути в региональный парламент, а политические партии совместно с государственными организациями могут поощрять и поддерживать женщин в этом направлении.

Опросы показывают, что большинство россиян считают мужчин более подходящими для ведения политической деятельности. Сопутствующий данному исследованию качественный анализ общего состава региональных парламентов показал, что имеет место концентрация власти в руках старших поколений, что также вносит свой вклад в проблему низкой репрезентативности не только молодых женщин, но и молодежи в целом. Это приводит к тому, что молодые женщины не могут в полной мере участвовать в политике и процессе принятия политических решений, касающихся их будущего.

Согласно данным ВЦИОМ, 78% респондентов положительно относятся к участию женщин в политике. Женщины более положительно относятся к женскому участию в политике, по сравнению с мужчинами — 84 и 70% соответственно. Негативное отношение к женскому участию в политике, как отмечает ВЦИОМ, наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе, там доля противников рассматриваемого феномена выше, чем по стране (30 против 13% среди всех опрошенных)¹³.

Однако 38% опрошенных считают, что женщины должны участвовать в политической деятельности наравне с мужчинами. 29% считают, что женское представительство в политике должно быть больше, что, по отметкам исследователей, является минимумом за весь период наблюдений.

Общественное восприятие женщин-политиков в России включает ряд положительных характеристик, таких как ориентация на семейные ценности, эмоциональная устойчивость и наличие альтернативных подходов к политическим процессам. В то же время среди недостатков опрошенные выделяют чрезмерную эмоциональность,

¹³ Женщины в политике: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenshchiny-v-politike-monitoring> (дата обращения: 18.03.2025).

недальновидность и неспособность сосредоточиться на политической деятельности в связи с необходимостью ведения домашнего хозяйства и воспитания детей¹⁴.

Еще одним препятствием является неравный доступ к партийным ресурсам, поскольку в партийных списках женщины занимают низкие позиции, что существенно снижает их шансы на избрание. Например, в 2021 г. только 24,7% женщин в общедоверальном списке «Единой России» были выдвинуты¹⁵, а 8,4% получили мандаты¹⁶.

Возможно, создание внутри партий программ обучения и наставничества для женщин, имеющих желание участвовать в политике, могло бы способствовать получению ими навыков, полезных для политической деятельности. Например, курсы по лидерству, ораторскому искусству, политической практике и работе с избирателями, как это делается в скандинавских странах, Мексике и Индии [10, с. 60].

Представляется возможным также создавать женские группы внутри политических партий, которые бы занимались вопросами гендерного равенства, а также привлечением и поддержкой женщин-кандидатов. Такие группы поддержки могли бы стать площадками, на которых женщины будут обмениваться опытом и получать полезные советы от своих коллег.

Однако следует отметить, что подавляющее большинство женщин (около 70%) заняты в государственном аппарате различных уровней и, в определенной степени, обладают доступом к власти¹⁷. Однако в целях объективного анализа необходимо подчеркнуть, что большинство из них занимают преимущественно рядовые и низкооплачиваемые должности специалистов в структурах отделов и секторов.

Интерес представляет опыт северных стран (Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Финляндия) в области повышения женского представительства в политике. Эти государства изначально применяли стратегические подходы, ориентированные на привлечение внимания к проблеме низкого уровня женского участия с помощью статистики, а также принятия конкретных мер по изменению ситуации. Был реализован системный подход, включающий в себя законодательные механизмы, целевые программы, исследования и социальную поддержку. Созданы институты, ответственные за женское равноправие в целом (например, уполномоченный по вопросам равноправия в Финляндии и Норвегии) [5, с. 360].

Помимо квотирования государства привлекают ведущие женские ассоциации к участию в политических партиях. Это создает возможность для формирования программ по повышению женского представительства и политического лидерства женщин, что усиливает их влияние и способствует более активному участию женщин [2, с. 24].

Женские секции в Швеции и Финляндии способствовали увеличению доли женщин в законодательных и исполнительных органах власти, став таким образом школой политического лидерства для женщин. Например, в финской Партии Центра в конце XX в. в женской секции состояло до 60 тыс. членов [9, с. 75].

¹⁴ Женщины в политике: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenshchiny-v-politike-monitoring> (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁵ Федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутый Всероссийской политической партией «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Всероссийская политическая партия «Единая Россия». URL: <https://er.ru/media/documents/June2021/BpcVu4P3gQVCdunzAdVm.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁶ Список депутатов фракции «Единая Россия» в Госдуме VIII созыва [Электронный ресурс] // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://er-gosduma.ru/party/list/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁷ Статистическое приложение к ежегоднику, 2024 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/RUS_SDG_in_Russia_2024.xlsx (дата обращения: 18.03.2025).

Образовательные и социальные меры, такие как обучение чиновников аспектам равноправия и финансирование проектов, нацеленных на изменение ситуации с женским равноправием, также играют важную роль. Мероприятия на местном, национальном и региональном уровнях позволяют интегрировать гендерное равенство в социальную политику, что повышает женское представительство в политике.

В итоге в Северном совете доля женщин в национальных парламентах варьируется от 44 до 45%¹⁸. Успех этих стран в области женского политического представительства объясняется системным подходом, который создает условия для реального равенства мужчин и женщин в политике.

Низкая доля женщин в профессиональных секторах и высокооплачиваемых профессиях также ограничивает их политические ресурсы. Женщины редко входят в закрытые круги бизнеса и власти, что существенно снижает их возможности для привлечения финансирования избирательных кампаний.

Следует отметить ограниченность ресурсов и низкий уровень влияния женских общественно-политических организаций, а также недостаточную государственную поддержку, обусловленную ассоциацией идей гендерного равенства с западными ценностями и потенциальными угрозами для традиционных культурных норм. В связи с этим необходимо налаживать эффективное взаимодействие между государственными структурами, политическими партиями и общественными организациями с женскими движениями, так как они могут внести большой вклад в повышение представительства женщин в парламенте.

Опыт Аргентины в разрешении вопроса гендерного неравенства может быть интересным для России. В Аргентине активную роль играют женские организации, лоббирующие интересы женщин в политике. Работает государственный институт женщин (Instituto Nacional de las Mujeres), отвечающий за разработку и реализацию политики гендерного равенства через образовательные программы и поддержку женских организаций. Действует Объединение женщин-политиков Аргентины, которое занимается поддержкой женщин-политиков, а также женщин-кандидатов через проведение тренингов, оказание поддержки и обмен опытом между политиками [3, с. 38]. Они и другие организации проводят кампании, направленные на защиту прав женщин, а также мониторинг соблюдения гендерных квот, что привело к тому, что в парламенте страны более 40% женщин¹⁹.

Выводы

Проведенное исследование динамики женского парламентского представительства в Сибири и на Дальнем Востоке показывает полную картину гендерного неравенства, сложившуюся в российской политике:

1. Новизна исследования заключается в внедрении целей устойчивого развития, находящихся на глобальном уровне, в контекст российской региональной специфики, а также в сочетании количественного и биографического методов, позволивших выявить как структурные, так и индивидуальные факторы гендерного дисбаланса. Работа переосмысливает роль гендерных квот, предлагая на примере практики стран Европы и Латинской Америки альтернативные механизмы повышения женского представительства через трансформацию политической культуры.

¹⁸ Показатель 5.5.1 (а) «Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах» [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unepce.org/SDG/ru/Indicator?id=142> (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁹ Показатель 5.5.1 (а) «Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах» [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unepce.org/SDG/ru/Indicator?id=142> (дата обращения: 18.03.2025).

2. Только три региона (Кемеровская область, Чукотский и Еврейский АО) достигли рекомендованного ООН уровня в 30% женщин-депутатов. Незначительный рост женского представительства в региональных парламентах Сибири и Дальнего Востока за 10 лет составил 3–5%, что свидетельствует о медленной динамике. На Дальнем Востоке наблюдается регресс: пик 2019 г. (25% в Камчатском крае) сменился снижением к 2024 г.
3. Среди ключевых барьеров можно выделить социокультурные стереотипы (политика как «мужская сфера», дискурс о внешности и личной жизни женщин-политиков). Двойная нагрузка («резиновый пол»), ограничивающая участие молодых женщин. Неравный доступ к партийным ресурсам: низкие позиции в списках, отсутствие наставничества.
4. Подавляющее большинство (83,8%) женщин-депутатов старше 45 лет, что отражает ограничения для молодых поколений и сохранение патриархальных установок. Проведенный анализ биографий женщин-депутатов демонстрирует, что доступ к политике для женщин в российских регионах часто связан с их профессиональной деятельностью в образовании и некоммерческих организациях, считающихся традиционно женскими.

Необходимо отметить в качестве факторов успеха роль образовательных учреждений и НКО как «социальных лифтов» для женщин (пример Кузбасса, Чукотки). Административный ресурс: узнаваемость женщин — руководителей школ и вузов повышает их электоральные шансы.

Результаты исследования в дальнейшем могут быть использованы в разработке региональных программ поддержки женщин-политиков (наставничество, тренинги лидерства, юридическая помощь), внедрении мер по балансу семьи и карьеры (доступный детский сад, гибкий график), сотрудничестве партий с образовательными учреждениями и НКО для рекрутирования женщин, а также в мониторинге эффективности гендерных квот и их возможной адаптации к местным условиям.

Несмотря на растущий интерес к проблеме гендерного равенства в политике, региональные аспекты требуют дальнейшего изучения концепций женского политического представительства и разработки эффективных стратегий для преодоления барьеров, с которыми сталкиваются женщины-политики в своей деятельности. В дальнейшем необходимо анализировать роль молодых женщин в региональной политике на предмет барьеров их вхождения во власть, а также изучать влияние цифровых технологий на их политическую активность. Результаты исследования раскрывают проблему доминирования социокультурных и институциональных барьеров над структурными факторами, что может дополнить дискуссии о причинах гендерного дисбаланса в политике в постсоветских странах.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура : политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль, 2014.
2. Жителев Я. А., Успенская В. И. Скандинавская модель гендерного равенства (опыт Финляндии) // Социально-политические процессы в меняющемся мире : межвузовский сборник научных трудов. Тверь : Тверской государственный университет, 2021. С. 20–24. EDN BVOMXJ
3. Киселева О. К., Черкесова А. Д. Роль женщин в политике латиноамериканских стран // Экономика, культура, политика Иberoамериканских стран : сборник материалов по итогам межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 декабря 2019 года — 31 декабря 2020 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 35–39. EDN QBFHYG
4. Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. Сравнительный анализ политических биографий женщин-депутатов региональных парламентов РФ: поколенческий аспект // Вестник Пермского

- университета. Политология. 2021. Т. 15. № 4. С. 131–145. DOI 10.17072/2218-1067-2021-4-131-145. EDN FDZZBO
5. Кыдырмышева Б. Т. Механизмы увеличения политического представительства женщин: зарубежный опыт // Вестник Ошского государственного университета. 2020. № 1-3. С. 357–362. EDN QQELXC
 6. Михайлова А. В., Попова Л. Н., Максимова М. А. Гендерные аспекты политической активности в регионах Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 65–72. DOI 10.24158/tipor.2023.7.8.
 7. Мухаметов Р. С. Представленность женщин в региональных парламентах: тестирование модели традиционных гендерных ролей // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 131–145. DOI: 10.31857/S0869049923030097. EDN GIQWFE
 8. Повышение роли и расширение участия женщин в политических процессах: аналитический обзор и рекомендации для стран Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств. Братислава : Изд-во Братиславского регионального центра ПРООН, 2009.
 9. Погодин С. Н., Саблина М. А. Особенности развития современного финского феминистического движения // Управленческое консультирование. 2021. № 9 (153). С. 69–78. DOI 10.22394/1726-1139-2021-9-69-78.
 10. Поддержка участия женщин в деятельности политических партий. Руководство ОБСЕ. Варшава : Homework, 2015.
 11. Fraile M., Marinova D. Closing the Gender Gap in Internal Political Efficacy? Gender Roles and the Masculine Ethos of Politics in Spain // Political Behavior. 2024. Vol. 46. P. 2287–2311. DOI 10.1007/s11109-024-09918-w.

Об авторе:

Кулеш Семён Алексеевич, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sem.kulesh@mail.ru

References

1. Almond G., Verba S. Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Moscow: Mysl', 2014. (In Russ.).
2. Zhitelev Ya. A., Uspenskaya V. I. Scandinavian model of gender equality (Finnish experience) // Socio-political processes in a changing world : Interuniversity collection of scientific papers. Tver: Tver State University, 2021. P. 20–24. EDN BVOMXJ. (In Russ.).
3. Kiseleva O. K., Cherkasova A. D. The Role of Women in the Politics of Latin American Countries // Economy, Culture, Politics of the Ibero-American Countries: Collection of materials based on the results of the interuniversity scientific and practical conference. St. Petersburg, December 1, 2019 — December 31, 2020. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2021. P. 35–39. EDN QBFHYG. (In Russ.).
4. Kozlova N. N., Monakhova Yu. A. Comparative analysis of political biographies of women deputies of regional parliaments of the Russian Federation: generational aspect // Bulletin of Perm University. Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya]. 2021. Vol. 15. N 4. P. 131–145. DOI 10.17072/2218-1067-2021-4-131-145. EDN FDZZBO. (In Russ.).
5. Kydyrmysheva B. T. Mechanisms for increasing women's political representation: foreign experience // Bulletin of Osh State University [Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2020. N 1-3. P. 357–362. EDN QQELXC. (In Russ.).
6. Mikhailova A. V., Popova L. N., Maksimova M. A. Gender aspects of political activity in the regions of the Russian Federation // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2023. N 7. P. 65–72. DOI 10.24158/tipor.2023.7.8. (In Russ.).
7. Mukhametov R. S. Representation of Women in Regional Parliaments: Testing the Model of Traditional Gender Roles // Social Sciences and Modernity [Obshchestvennyye nauki i sovremennost']. 2023. N 3. P. 131–145. DOI 10.31857/S0869049923030097. EDN GIQWFE. (In Russ.).
8. Strengthening the Role and Participation of Women in Political Processes: An Analytical Review and Recommendations for Countries of Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States. Bratislava: UNDP Bratislava Regional Centre, 2009. (In Russ.).
9. Pogodin S. N., Sablina M. A. Features of the development of the modern Finnish feminist movement // Administrative Consulting [Upravlencheskoye konsultirovaniye]. 2021. N 9 (153). P. 69–78. DOI 10.22394/1726-1139-2021-9-69-78. (In Russ.).

10. Supporting Women's Participation in Political Parties. OSCE Handbook. Warsaw: Homework, 2015. (In Russ.).
11. Fraile M., Marinova D. Closing the Gender Gap in Internal Political Efficacy? Gender Roles and the Masculine Ethos of Politics in Spain // Political Behavior. 2024. Vol. 46. P. 2287–2311. DOI 10.1007/s11109-024-09918-w.

About the author:

Semyon A. Kulesh, Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management) (St. Petersburg, Russian Federation); sem.kulesh@mail.ru

Приложение 1

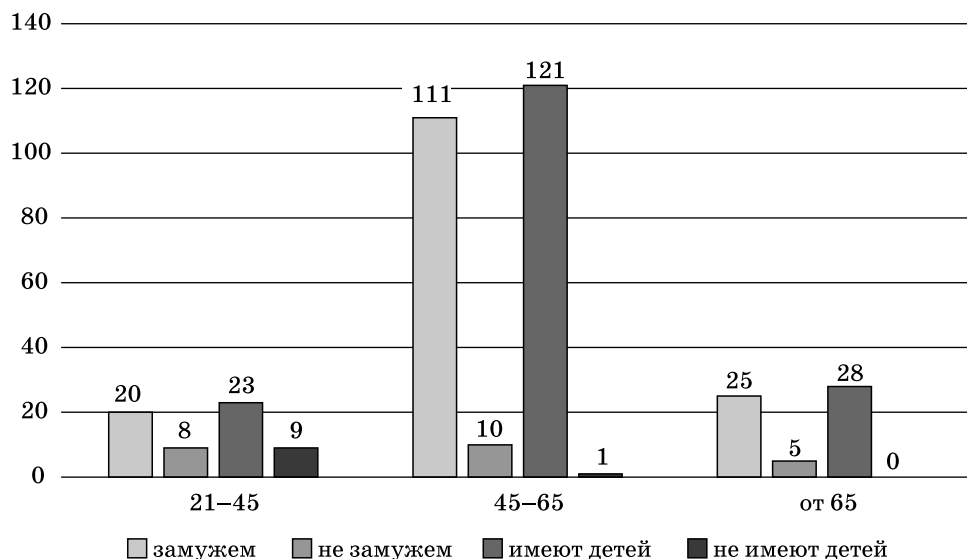
Данные для расчета показателя ЦУР 5.5.1 (а) по региональным законодательным органам власти Сибири и Дальнего Востока

Appendix 1. Data for calculating SDG indicator 5.5.1 (a) for regional legislative bodies of Siberia and the Far East

№ п/п	Регион	Данные на 1 декабря 2014 г. (чел.)		Данные на 1 декабря 2019 г. (чел.)		Данные на 1 декабря 2024 г. (чел.)	
		Жен.	Общие	Жен.	Общие	Жен.	Общие
1	Республика Алтай	4	41	8	41	9	41
2	Бурятия	8	66	9	66	10	66
3	Саха (Якутия)	13	70	13	70	8	70
4	Тыва	7	32	6	32	5	32
5	Хакасия	5	50	7	50	12	50
6	Алтайский край	9	68	10	68	15	68
7	Забайкальский край	5	50	10	50	10	50
8	Камчатский край	4	28	7	28	7	28
9	Красноярский край	5	52	9	52	9	52
10	Приморский край	6	40	6	40	6	40
11	Хабаровский край	9	36	7	36	3	36
12	Амурская область	4	36	9	36	5	27
13	Иркутская область	6	45	5	45	6	45
14	Кемеровская область	6	36	21	46	14	46
15	Магаданская область	0	21	1	21	2	21
16	Новосибирская область	2	76	8	76	10	76
17	Омская область	3	44	2	44	5	44
18	Сахалинская область	6	28	5	28	4	28
19	Томская область	5	42	4	42	6	42
20	Тюменская область	5	48	5	48	9	48
21	Ханты-Мансийский АО	6	35	3	38	7	38
22	Чукотский АО	6	12	8	15	5	15
23	Ямало-Ненецкий АО	3	22	4	22	5	22
24	Еврейская АО	5	19	8	19	7	19

Источник: составлено автором.

**Семейное положение женщин — депутатов законодательных органов
Сибири и Дальнего Востока (чел.)**
Appendix 2. Marital status of women — deputies of legislative bodies of Siberia
and the Far East (persons)

Источник: составлено автором.

Поступила в редакцию: 23.03.2025
Поступила после рецензирования: 19.06.2025
Принята к публикации: 10.07.2025

The article was submitted: 23.03.2025
Approved after reviewing: 19.06.2025
Accepted for publication: 10.07.2025